

ЛИТОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪ ДОМОСНІИ
№ 7.

15 Апрѣля

1867 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЕР.

I.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Подтвержденіе духовенству Литовской Епархіи о безмездномъ исправленіи обязательныхъ требъ прихожанамъ, съ повторительнымъ опубликованіемъ указа изъ Св. Синода по этому предмету, отъ 31 Мая 1844 года за № 5922.

Его Высокопреосвященство на послѣдовавшемъ къ нему отношеніи Г. Главнаго Начальника края отъ 2 марта сего года за № 271, на счетъ безмезднаго исполненія

священнослужителями духовныхъ требъ прихожанамъ, изволилъ написать, между прочимъ, слѣдующую резолюцію: „Еще указомъ Св. Синода отъ 31 Мая 1844 года за № 5922 воспрещено сельскому духовенству, получающему штатное жалованье, взимать отъ своихъ прихожанъ вознагражденіе за важнѣйшія духовныя требы, именно: молитвованіе рождающихся, крещеніе, исповѣдь и причащеніе, бракъ, елеосвященіе, погребеніе и присоединеніе иновѣрцевъ. По сему указу даны были тогда же духовенству Литовской епархіи исполнительныя предписанія, которыя подтверждены по указу о томъ же Св. Синода отъ 21 февраля 1853 года за № 953. На отступленіе духовенствомъ отъ предписаннаго въ сихъ указахъ порядка не поступало жалобъ, ни донесеній,—а слѣдовательно должно полагать, что злоупотребленій въ семь отношеніи, по крайней мѣрѣ важныхъ, не случилось; да и было бы крайне позорно, еслибъ духовенство допускало такія злоупотребленія, послѣ столь важнаго улучшенія его быта въ послѣднее время. За всѣмъ тѣмъ считаю благовременнымъ предложить нынѣ Консistorіи 1) подтвердить вновь всему духовенству Литовской епархіи съ подписками о точномъ исполненіи прописаннаго выше указа Св. Синода отъ 31 мая 1844 года; 2) указъ сей, для всеобщаго свѣдѣнія, припечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, вмѣстѣ съ исполнительнымъ по оному распоряженіемъ Епархіальнаго Начальства.

Во исполненіе таковой Архипастырской Его Высокопреосвященства резолюціи, Редакція Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей, согласно увѣдомленію Литовской д. Консistorіи, печатаетъ копію указа Св. Синода отъ

31 мая 1844 года за № 5,922 для объявленія вновь онаго духовенству Литовской Епархіи и для точнаго исполненія по требованію сего указа.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Іосифу Архіепископу Литовскому и Виленскому, Священно Архимандриту Свято-Троицкаго Виленскаго Монастыря и Кавалеру.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣлъ разсужденіе 1) что въ слѣдствіе щедротъ Благочестивѣйшаго Государя Императора, столь обильно изливаемыхъ на Православное Духовенство, значительная часть сельскихъ причтовъ дарованными имъ окладами жалованья поставлены уже въ такое положеніе, въ которомъ они не могутъ нуждаться въ вознагражденіяхъ отъ прихожанъ за преподаваніе имъ необходимыхъ христіанскихъ требъ, и слѣдственно могутъ исполнять безмездно сію обязанность достойно Священному своему назначенію; 2) что съ сею именно цѣлью обращены на Духовенство щедроты Монарха, дабы удалить отъ Пастырей всѣ поводы къ неблагопріятнымъ и неприличнымъ отношеніямъ къ прихожанамъ и къ жалобамъ за вымогательства, которыя служили оскорбленіемъ сану Духовному; 3) что за тѣмъ и дальнѣйшее устройство способовъ къ обеспеченію Духовенства домами, землями и единовременнымъ пособіемъ облегчится въ такомъ случаѣ, когда прихожане увидятъ, что сельскіе причты отправляютъ свои обязанности безмездно, и слѣдственно получаютъ къ нимъ признательность, столько свой-

ственную Русскому народу. Независимо же отъ сего есть въ виду и другіе способы къ пособіямъ достойнымъ Священно-служителямъ въ случаяхъ болѣзней и старости, а потому положеніе сельскихъ причтовъ, получающихъ теперъ жалованье, можно считать совершенно обеспеченнымъ. По симъ соображеніямъ Святѣйшій Синодъ приказали: Преосвященнымъ тѣхъ Епархій, въ которыхъ сельскіе причты получаютъ жалованье, предписать: 1) Немедленно обязать сельскихъ Священно и церковно-служителей, получающихъ жалованье, отправлять безмездно всѣ важнѣйшія христіанскія требы, какъ то: молитвованіе рождающихся, крещеніе, исповѣдь и причащеніе, бракъ, елеосвященіе, погребеніе и присоединеніе иновѣрцевъ, подъ опасеніемъ наказанія за нарушеніе сего, какъ нетерпимаго въ лицѣ духовномъ преступленія. 2) Строго наблюдать, какъ за симъ, такъ и за тѣмъ, чтобы небыло упущеній въ своевременномъ совершеніи требъ, со внушеніемъ сельскимъ священно-служителямъ, что за упущеніе или медленность въ сихъ важныхъ для христіанина случаяхъ, по надлежащемъ обнаруженіи сего, они немедленно будутъ устранены отъ служенія церкви, какъ нерадивые и недостойные. 3) Разрѣшить имъ пользоваться отъ прихожанъ вознагражденіемъ за отправленіе всѣхъ прочихъ молитвословій, не составляющихъ таинствъ, но совершаемыхъ по особому усердію, токмо безъ прерѣканій и неудовольствій. 4) О томъ, какъ все сіе будетъ исполняться, доносить въ первые три года, чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. 5) Его Сіятельству Господину Оберъ-Прокурору предоставить (и предоставлено) увѣдомить о семъ, кого слѣдовать будетъ по гражданской части. Мая 31

дня 1844 года № 5,922, (подписали): За Оберъ-Секретаря Ѳеодоръ Яковенко. За Секретаря Яковъ Михалевичъ. Старшій Помощникъ Секретаря Ширяевъ. На этомъ указъ Резолюція Его Высокопреосвященства отъ 21-го Іюня 1844 г. за № 941 послѣдовала такая: „Предлагаю Консистеріи сдѣлать надлежащія предписанія о точномъ исполненіи сего указа, съ тѣмъ, чтобы каждый Священникъ имѣлъ вѣрную копию таковаго указа, по свидѣтельствуванную Благочиннымъ, и чтобы сіи послѣдніе всякіе шесть мѣсяцевъ доносили Консистеріи, какъ исполняется по ихъ вѣдомству этотъ указъ, для доведенія о томъ до свѣдѣнія Св. Синода. Іосифъ Архіепископъ. Указъ сей своевременно распубликованъ духовенству Литовской Епархіи по надлежащему изъ Литовской духовной Консистеріи, для точнаго исполненія.

II.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОЖЕРТВОВАНІЕ

св. иконъ для православныхъ церквей западныхъ губерній (новое).

Въ Виленскомъ Вѣстникѣ сообщено:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Главнаго Начальника Сѣверозападнаго края о томъ благотворномъ впечатлѣніи, какое произвели на крестьянъ Всемиловивѣйше дарованные въ истекшемъ году Ея Величествомъ образа для церквей Виленской губерніи, обращенныхъ изъ костеловъ *), Высочайше соизво-

*) Въ прошломъ году Государыней Императрицей пожаловано 6 аналойныхъ Иконъ, для слѣдующихъ церквей: въ м. Быстрицахъ, Шумскѣ, Рукойняхъ, Цуденишкахъ, Подберезѣ и въ Бѣницахъ.

лилъ распространить Монаршую свою милость и на прочіе храмы, которые, за присоединеніемъ латинянъ къ Православію, передѣланы или передѣлываются въ православныя церкви.

Его Сіятельство, Г. Главный Начальникъ края, получивъ въ концѣ марта отъ духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, Протопресвитера Бажанова, 24 иконы, препроводилъ 12 изъ нихъ къ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Литовскому и Виленскому Иосифу, прося Его Высокопреосвященство сдѣлать зависящее распоряженіе къ торжественному приѣму въ подлежащія храмы сихъ св. Иконъ, для чего приближающійся праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія, или же Храмовой праздникъ, или иной торжественный день, смотря по усмотрѣнію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита, всего удобнѣе. При чемъ Главный Начальникъ края остается вполнѣ увѣреннымъ, что этотъ знакъ Монаршаго вниманія къ новоприсоединившимся къ прародительскому благочестію крестьянамъ укрѣпитъ въ нихъ еще болѣе любовь къ Августѣйшему ихъ Благодѣтелю и къ истинамъ св. Вѣры, которую они нынѣ исповѣдуютъ.

Остальныя 12 иконъ препровождены въ Епархіи: Витебскую, Могилевскую и Минскую.“

Отъ себя прибавимъ: „Да послужитъ это изъявленіе Высочайшаго благовниманія къ нуждамъ бѣдныхъ и вновь устрояемыхъ православныхъ храмовъ здѣшняго края отраднымъ и ободряющимъ утѣшеніемъ для однихъ и поучительнымъ урокомъ для тѣхъ, которые находятъ выгоднымъ распространять ложные слухи по поводу распространенія Православія, которое не можетъ не распространяться, какъ— свѣтъ.

III.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ,

*произнесенное по торжественномъ вынось св. Плащаницы,
въ Свято-духовской монастырской церкви.*

Возопиша вси народи, глаголюще Пилату: возми сего (Исуса), отпусти же намъ Варавву. Ев. Лук. 23, 18.

Игемонъ же рече: кое убо зло сотвори? Они же излиха вопіяху, глаголюще: да пропять будетъ. Мате. 27, 24.

И... распяша Его.

Давно ли еврейскій народъ, такъ торжественно встрѣчая Господа Христа, восклицалъ: *осанна! Благословенъ грядый, Царь Израилевъ!* Теперь вопіеть: *не имамы Царя, токмо кесаря.* — Прежде, когда Христось чудесно напиталъ пять тысящъ человекъ пятью хлѣбами, народъ говорилъ: *Яко сей есть воистинну Пророкъ, грядый въ міръ.* — Теперь говорить другое: *Мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети, яко себе сына Божія сотвори.* Слушая ученіе Его, народъ дивился и говорилъ; *николиже тако есть глаголаъ человекъ, яко сей человекъ.* А теперь, забывъ своего удивительнаго Проповѣдника, вопіеть: *распи Его!* Прежде, привлекаемый ученіемъ, любовію Исуса, народъ во множествѣ ходилъ за нимъ, такъ что архіереи и фарисеи боялись, что вси увѣруютъ въ Него: — *Се міръ по немъ идетъ.* — Теперь же, къ удивленію, этотъ самый народъ просить Пилата: *возми Исуса, а варавву намъ отпусти.* Мало того, на слова Пилата: *не повиненъ есмь въ крови праведника сего,* народъ, какъ бы

обезумѣвши, отвѣчаетъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ.....*

Вотъ, братія, и судъ народа надъ Спасителемъ міра! Но судъ незаконный! Ужь если малодушный Пилать говоритъ, что онъ не обрѣтаетъ въ Немъ вины; *кое убо зло сотвори?* Если сотникъ и стрегущіе Іисуса говорили: *воистину! Божій Сынъ бѣ сей,* то для чего намъ приводить изрѣченія Пророковъ, которые издалика прозрѣвали этотъ незаконный судъ, и апостоловъ очевидцевъ и вселенскихъ свидѣтелей.

Мы знаемъ и вѣруемъ, что сей осужденный Христосъ *яко агнецъ непороченъ,* что пострадалъ и умеръ Онъ не за свою вину, а за грѣхи и беззаконія наша. Пусть же каждый изъ насъ почувствуетъ свою вину предъ Богомъ и благодаритъ Сего Благодѣтеля за спасеніе насъ, въ молитвѣ и покаяніи.

Возвратимся къ суду народа еврейскаго, къ приговору его надъ Безгрѣшнымъ Господомъ. Народъ еврейскій, осуждая Христа, не могъ представить дѣйствительно никакого истиннаго объясненія. Судъ и приговоръ его основывался на лжи, на клеветѣ. Евангелистъ Матѳеи повѣствуетъ, что *архіереи и старцы напустиша народы, да испросятъ Варавву, Іисуса же погубятъ.* Такимъ образомъ причина волненія и неистовства народа противъ Христа заключалась въ ложномъ мнѣніи, проведенномъ въ народѣ Архіереями и старцами, которые по истинѣ ненавидѣли Господа Нашего. Слѣдовательно народъ былъ только орудіемъ, а главными виновниками смерти Спасителя были водители народа—буи, слѣпці; они же были виновниками и погибли своего народа.

Народный судъ! Народный приговоръ! Не бываетъ ли чего подобнаго сему суду у насъ, въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи?—Бываетъ. Народное или общественное мнѣніе часто слагается и образуется безъ всякой повѣрки съ дѣломъ, безъ оцѣнки самаго мнѣнія,—просто, по слуху, иногда по модѣ; гласъ народа—будто бы гласъ Божій! Но такое общественное мнѣніе весьма часто бываетъ исполнено лжи и обмана. Народъ увлекается потому, что эта ложь прикрывается красивыми, по видимому, благими формами. А между тѣмъ, сколько происходитъ зла отъ этого! Есть мнѣнія общества, собственно касающіяся истинъ религіи, вѣры и нравственности. Не мало привходитъ къ намъ, особенно съ запада, ложныхъ ученій вѣры. Есть у насъ и свои, ложно образованные люди, которые, не любя закона, истины, обличающей ихъ темныя дѣла, также проводятъ въ народѣ ложное ученіе вѣры. И при входящую совѣтъ, и раждающуюся здѣсь эту ложь одни принимаютъ за истину, потому что не могутъ отличить истины отъ лжи, другіе принимаютъ потому, что она потворствуетъ страстямъ и худымъ наклонностямъ, а третьи увлекаются ею по легкомыслію, потому что другіе такъ думаютъ.

Что же отсюда происходитъ? То, что, увлекаясь ложными мнѣніями въ дѣлѣ религіи, многіе перестаютъ быть покорными сынами своей родной истинной церкви, не слушаютъ ея ученія, отвергаютъ ея законы. Живя незаконно, они само собою дѣлаются вредными обществу, заражая членовъ его своимъ ложнымъ убѣжденіемъ, а наконецъ осуждаются закономъ Божиимъ и человѣческимъ, получая праведный судъ за свой лож-

ный судъ.—Надобно сказать, что мнѣніе общества въ дѣлахъ вѣры и нравственности, какъ и вообще, бываетъ слишкомъ измѣнчиво. Но это, съ одной стороны, свидѣтельствуесть о легкомыслии принимающихъ и увлекающихся подобными мнѣніями, а съ другой свидѣтельствуесть о томъ, что Православная Вѣра есть истинная и святая, какъ святъ и истиненъ Основатель Ея, пострадавшій Христосъ Богъ. Въ самомъ дѣлѣ, сегодня если мы отвергаемъ то, что вчера принимали съ восторгомъ, но безъ разбора,—что это значитъ, какъ не то, что мнѣнія человѣческія, безъ истины и разума Божія, суть ложь?

Есть, братія, другаго рода общественное мнѣніе,—собственно мнѣніе о лицахъ, поставленныхъ для служенія церкви или обществу. Это мнѣніе имѣеть другой характеръ—осужденія, порицанія, клеветы, интриги и проч. Этого рода сужденіе общества имѣеть болѣе свободный просторъ, быстро переходитъ, и также быстро измѣняется. Къ стыду нашему должно сказать, что наше общество склонно къ различнымъ ложнымъ и не ложнымъ мнѣніямъ о людяхъ, о другъ другъ. Прислушаешься къ толкамъ и пересудамъ и удивляешься жалкому легкомыслию нѣкоторыхъ. Какой нибудь злой клеветникъ, ненавистникъ честнаго труда, ищущій своей славы, распространяеть въ народъ нелѣпое мнѣніе о какомъ нибудь лицѣ. Общество подхватываетъ это мнѣніе, и, не провѣривъ дѣйствіе лица на дѣлѣ, облачаетъ мнѣніе во всевозможныя нелѣпыя формы, даже съ прибавленіями. Законъ еще не призналъ вины этого лица, а общество уже успѣло его осудить, опозорить его честь, лишить заслуженныхъ правъ. Но если бы

внимательно разсудить дѣйствія осуждаемыхъ, служебныхъ лицъ, если бы проникнуть въ намѣренія и цѣли; то между ними окажется не мало добрыхъ, усердныхъ дѣятелей, заслуживающихъ уваженія, а не порицанія. Иной быть можетъ неустанно работаетъ для пользы церкви, общества или науки, а его укоряютъ въ гордости, или въ бездарности. Другой, заботясь о правдѣ и чести, обличаетъ обманъ и коварство: завистники стараются выставить его предъ обществомъ лицомъ-ромъ и ябедникомъ и пр. И люди—трудолюбивые и правдивые часто страдаютъ невинно. А какимъ нареканіямъ подвергаются служители Алтаря Господня? И за что? За то, что люди говорятъ? Устыдимся, братія, сего поступка. *Не судите, да не судими будете.* Подобное дѣлаютъ только враги нашей Православной Вѣры и отечества, которые распространяютъ клеветы и ложь противъ русскихъ дѣятелей, особенно въ здѣшнемъ краѣ. Но да будетъ имъ судья Богъ! А вы должны знать и всегда помнить, что, осуждая другихъ по ненависти и злобѣ и по однимъ только толкамъ въ народѣ, безъ повѣрки, можете причинить имъ несчастіе, совершенно ими незаслуженное. Съ другой стороны, общественной судъ или судъ народа часто можетъ быть гибельнымъ для самаго же общества,—подобно тому, какъ пострадалъ и страдаетъ до нынѣ Еврейскій народъ за незаконный судъ, совершенный имъ надъ Спасителемъ міра.

„Людіе мои, что сотворихъ вамъ,“ говоритъ распинаемый Господь (словами церковной пѣсни). Но Божественный Страдалецъ не слышитъ отвѣта отъ своихъ враговъ. А мы, Христіане, принесемъ нашему Искупителю

покаяніе съ вѣрою и любовію. Онъ прощаетъ. Простилъ разбойника. Пощади же насъ грѣшныхъ, Господи, и помяни во царствіи твоємъ. Аминь.

Иером. Смаригдъ.

IV.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ПО ПОВОДУ РЕКРУТСКАГО НАБОРА.

Многимъ, изъ читателей, страннымъ покажется, встрѣтить въ духовныхъ вѣдомостяхъ такой, повидимому, неподходящій предметъ, какъ—рекрутскій наборъ; но во 1-хъ, тутъ выставлена оговорка, что будетъ сказано *по поводу* рекрутскаго набора, а во 2-хъ, всякое общественное, клонящееся къ пользѣ, дѣло, имѣетъ свою духовную сторону и должно сопровождаться благодатною помощью Божіею и благословляющимъ словомъ Пастыря. А потому, нисколько незатрогивая другихъ сторонъ означеннаго нами въ заголовкѣ предмета, коснемся только, отчасти, его духовной стороны.

Прошла уже послѣдняя ночь на родинѣ, для рекрутовъ, снаряжаемыхъ въ путь. На разсвѣтѣ потребованъ я былъ въ церковь напутствовать выступающихъ молебномъ. Еще мракъ утреннихъ сумерекъ облегалъ окна церкви, но она уже ярко свѣтилась отъ множества свѣчекъ, поставленныхъ напутствуемыми рекрутами. Во все продолженіе молебна брякали въ кружкѣ: „на палестинскихъ поклонниковъ“ нещербатые копѣйки молодцовъ, и, то и дѣло, подходили они со свѣчами, къ иконамъ, дабы изъ своихъ рукъ возжечь предъ заступни-

ками свою жертву. Трудно себѣ представить, что тогда лежало у нихъ на сердцѣ;

„но тепла свѣча поселянина,
„предъ иконой Божьей Матери.

Кончился молебень; чинно, рядами, стояли рекруты, какъ будто напередъ проникнутые солдатскимъ духомъ и порядкомъ; за ними стояли подводчики, кое какіе чины волостнаго правленія, родные, провожающіе близкихъ себѣ; а у лѣвой стѣнки пріютилась горсточка женщинъ, тяжело всхлипывавшихъ. Мать ли это плакала, сестра ли это рыдала, невѣста ли такъ обливалась слезами? Только тяжело было слышать и нельзя было нетронуться. Кто что ни говори, а разлука не можетъ не пошевелить чувства. Рекруты, по другую сторону, у самага амвона, стояли тихо. Съ крестомъ и словомъ подошелъ я къ нимъ:

„Милые мои чада о Господѣ! Вотъ пора, уже, и выступить вамъ. Счастливый путь! Сознайте, что вѣдь, не въ могилу опускаетесь, а идете сослужить Царю службу. Вы очень хорошо понимаете, что надо же кому нибудь оберегать отечество, край, дабы ваши старики безопасно пахали себѣ ниву, а женщины мирно хлопотали около своего очага и дробныхъ дѣтокъ. Не унывайте же, а на Бога уповайте! Теперь вѣдь служба легкая. Солдатушекъ, Слава Богу, кормятъ сытно; одѣваютъ тепло, даже и башлыкъ даютъ, дабы, Боже избавь, не простудилъ кто головы.

Обучаютъ ихъ грамотѣ, чтобы не были народомъ темнымъ; а также-жъ отпускаи частые даютъ, чтобы межъ службы побывали на родинѣ! Чтожь еще надо? Только я вамъ заповѣдую, отъ души, дорожите честною

службою, въ церковь ходите, когда будете и воинами, Богу молитесь, Царю служите вѣрно, копѣйку не пожалѣйте на свѣчку предъ образомъ, копѣйку не пожалѣйте и на доброе дѣло. За Богомъ молитва и за Царемъ служба не пропадаетъ. А доброму человѣку вездѣ добръ. Начальство уважайте и будьте ему покорны: смирнаго человѣка всѣ любягъ. Не буйньте, не пьянствуйте, не порочьте своего имени воровствомъ, но старайтесь, чтобы оно всегда оставалось честнымъ. Будутъ васъ учить тамъ, въ полку, грамотѣ, — не упускайте случая выйти грамотѣмъ; будутъ васъ учить тамъ ремеслу, или мастерству, и это вамъ послужить на пользу. Посмотрите, — лѣтъ черезъ пять, когда вернетесь на родину, да вы и не захотите тогда остаться, въ этомъ жалкомъ краѣ. Многіе отпускные находили, что имъ въ полку было лучше; одно то, что не ѣли чернаго хлѣба съ мякиной!

Только не забывайте родныхъ. Пишите къ нимъ, и когда придете на мѣсто своего слѣдованія, и когда чѣмъ нибудь отличитесь, и когда что нибудь случится съ вами. Всякая такая вѣсточка будетъ имъ дорога, всякимъ письмомъ вашимъ они будутъ тѣшиться и каждому хвалиться, и въ молитвѣ горячѣе помянуть.

И, Боже мой, какъ бы это хорошо было, еслибы и здѣшніе люди такъ устроили у себя, чтобы и имъ не трудно было послать иной разъ отвѣтъ къ вамъ. А то, чего имъ стоитъ здѣсь отправить, въ отдаленныя губерніи, письмо съ деньгами. Бѣдная мать, дождавшись письма отъ сына, состоящаго на службѣ, горитъ желаніемъ отписать дорогому дитятку, котораго она уже не считала живымъ, хлопочеть, чтобы ему послать кое что, къ празд-

ничку, бѣгаетъ ко всѣмъ, какъ бы это сдѣлать и, между тѣмъ, трудно это сдѣлать у насъ въ глуши.

Ужели нельзя такъ устроить, чтобы и съ отдаленными разстояніемъ родными, вы всегда легко могли поддерживать живую связь? Ужели нельзя вамъ громадою подумать объ этомъ, да попросить своихъ волостныхъ чиновъ, чтобы у себя, при Правленіи своемъ, устроить что-то *въ родъ приѣма писемъ съ деньгами*, чтобы вамъ легко было сноситься съ отбывающими отселѣ на службу; пускай это вамъ будетъ чегонибудь стоить. Съ міру большого не великій сборъ былъ бы; да покрайней мѣрѣ и вы были бы покойны за свое письмо, и деньги; и я увѣренъ, рекруты, если бы это было только устроено у васъ, еще съ большимъ утѣшеніемъ отходили бы на чужбину. Подумайте объ этомъ! прощайте! Богъ васъ да благословитъ и устроить вашъ путь.“—

Стали прикладываться ко кресту; я cadaго кропиль святою водою и мнѣ самому стало тяжело, что многимъ изъ нихъ, придется очутиться, въ нашемъ обширномъ отечествѣ, далеко, и быть можетъ не вернуться. Женщины хныкали не сдержанно; но по истинѣ свидѣтельствую, что на спокойныхъ лицахъ молодыхъ рекрутовъ, не подмѣтилъ я слезы . . . сдерживались.

Большимъ обозомъ уѣхали они.

Понадобилось мнѣ чрезъ 2 дни проѣзжать городомъ, гдѣ было присутствіе, для приѣма рекрутовъ. Уже пригодные молодцы сданы были, изъ нашего прихода; и какъ то старшина и сельскій староста узнали, что я нахожусь въ городѣ проѣздомъ и пришли повидаться со своимъ батюшкой, гдѣ былъ и дьячекъ свой, на постоялый дворъ. Тутъ же заявили свое удовольствіе, что

легко и благополучно сдали своихъ рекрутовъ; при чемъ старшина благодарилъ меня, что я потрудился отслужить молебень.

— „Жаль что тебя небыло на молебнѣ, почтен. старшина; я по этому поводу, взывалъ къ вамъ, находя полезнымъ, дабы вы отозвались съ обща на одно доброе дѣло.

— „Ахъ! да! отозвался сельскій староста, обращаея къ старшинѣ: вѣрите ли, старшина, вся церковь была полна народу; и когда батюшка сказалъ, послѣ молебна, что хорошо бы устроить такъ, чтобы при канцеляріи нашей принимались письма, что посылаютъ наши къ своимъ, видишь, землякамъ, что рекрутами въ полку, и что это съ міру не дорого будетъ стоить, то какъ видишь всѣ сказали: „это вѣрно, это правильно сказано, это хорошо было бы.“

Пошли у насъ на досугъ объ этомъ разсуждать; одни находили, что надо на этотъ предметъ, не облагая особымъ сборомъ, взимать по 1 коп. съ нанимателей подводъ, другіе находили, что ближе всего—съ подавателей и получателей писемъ извѣстную плату, но всѣ находили, что хорошо бы осуществить эту мысль, при чемъ польза была бы, не для однихъ крестьянъ, но и для постороннихъ! Будетъ ли это сдѣлано?

Народъ нашъ инициативы своей неимѣетъ; они во всякомъ новомъ, выходящемъ изъ рамки „положенія“ дѣлѣ, привыкли поднимать глаза на приставленныхъ къ нимъ закономъ и положеніемъ руководителей, и слѣдовательно отсель долженъ исходить всякій починъ добраго дѣла, какъ и слѣдуетъ! этимъ путемъ много добра можно сдѣлать, для еще дѣтствующаго народа.

Много можно было бы такимъ призваннымъ дѣтелямъ обдумать хорошихъ средствъ, подвинуть народъ впередъ, если бы они прислушивались не только къ бумагамъ и формальнымъ докладамъ, но и къ случаямъ частной жизни, которая ужъ имъ не такъ можетъ быть знакома, какъ пастырямъ.

Меня вдохновилъ слѣдующій случай сказать свое вышеприведенное слово. Пришелъ ко мнѣ одинъ прихожанинъ, изъ обращенныхъ мною въ православіе.

—Батюшка, послушай меня и сдѣлай то, чего я попрошу. Мы не знаемъ, куда обратиться и что сдѣлать, чтобы отправить письмо съ деньгами нашему шуруину солдату, на Кавказъ. Сдѣлай милость, напиши письмо и перешли.“

—Братецъ мой, отвѣчалъ я, готовъ тебя всегда я послушать за то, что и ты меня когда то послушалъ, склоняясь на мои убѣжденія, перейти на православіе. Чтоже тебѣ угодно написать, я хочу выразиться въ письмѣ твоими словами.

—„Да вотъ что: кланяется тебѣ, Иванъ нашъ дорогой, старенькая мать твоя Варвара, да сестра твоя, моя жена Зуля (Зиновія), да кумъ... и проч. а больше чтоже? пиши батюшка, пускай онъ часто въ церковь ходитъ, бо и мы теперъ молимся, слава Тебѣ Господи, уже въ церкви. Напиши, пускай онъ вѣрно служитъ Богу и Государю, пускай небалуется, незадирается. А больше чтоже? пускай насъ не забываетъ и швагра, меня, и мать свою и всѣхъ, и всѣхъ.“

Я его послушалъ, письмо отправилъ; но съ тѣхъ поръ всѣмъ отказываю въ своихъ услугахъ; потому что ямщики евреи требуютъ кромѣ вѣсовыхъ, страховыхъ,

и за росписку, еще себѣ за комиссію, да еще какому то ихнему агенту въ городѣ еврею грамотному за то, что роспишется на почтѣ. Былъ случай, одинъ крестьянинъ послалъ солдату 8 р. чрезъ одного господина; кромѣ положенныхъ денегъ уплатилъ ему за труды 60 к., тотъ выдалъ ему свою росписку, съ обѣщаніемъ, въ самоскорѣйшемъ времени выслать ему, на руки, почтовую росписку, и до сихъ поръ крестьянинъ, вотъ уже шестой мѣсяць возится съ частною роспискою, не получая ни почтовой росписки, ни отвѣта на письмо съ деньгами.

Между прочимъ, приведенный мною выше случай, гдѣ я писалъ подъ диктовку присоединеннаго прихожанина его словами, свидѣтельствуешь о томъ, на сколько онъ искрененъ въ своемъ убѣжденіи относительно своего обращенія въ православіе. Теперь многіе, недовольные этимъ подвигомъ нашего народа, распускаютъ слухи, что присоединеніе было не добровольное. Вотъ я привелъ уже собственныя слова присоединившагося, съ какими онъ обращался къ земляку и шурину, служащему въ войскахъ. Кстати, еще къ тому присоединю не лишній рассказъ, подходящій отчасти къ статьѣ. Пришелъ ко мнѣ прихожанинъ изъ новоприсоединенныхъ.

—„Батюшка, отслужите мнѣ обѣдню и чи возьмете за трудъ барана?“

—Мой милый, это отъ меня одного независитъ; насъ пять человекъ причта, и общимъ доходомъ не могу я распорядиться. Ты лучше поступи такъ, какъ принято тутъ обычаемъ.

—„Такъ вотъ что, батюшка, пускай будетъ, цѣлковаго я дамъ на обѣдню, кабы Господь успокоилъ въ

царствіи небесномъ моихъ покойниковъ, а барана я уже рѣшилъ пожертвовать; такъ за это отслужи панихиму (панихиду) за убитыхъ солдатъ на войнѣ.

—Чтоже такое, спросилъ я удивленный необыкновеннымъ случаемъ, развѣ кто нибудь изъ твоихъ родныхъ, служившихъ, убитъ на войнѣ?

„Нѣтъ батюшка, такихъ у меня нѣту родныхъ, може далеко якіе, но нѣтъ, никакихъ такихъ нѣту; а ктоже помолится за нихъ?”

Много подобныхъ случаевъ собрать можно. Такіе случаи составляютъ великое утѣшеніе въ пастырской дѣятельности.

Свящ. І. Берманъ.

v.

СУПРАСЛЬСКІЙ БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Заключеніе. Общій взглядъ на его значеніе.

Въ заключеніе нашего описанія Супрасльскаго монастыря сдѣлаемъ общій взглядъ на его значеніе для Литвы въ періодъ его православія и уніятства. По мысли основателей, этотъ монастырь долженъ былъ удовлетворять религіознымъ стремленіямъ къ аскетической и пустынной жизни. И дѣйствительно, онъ служилъ тихою духовною пристанью, гдѣ православные успокоивались отъ житейскихъ тревогъ. Въ продолженіе 16-го столѣтія въ монастырѣ было много монаховъ, Геросхимонаховъ и схимниковъ. Съ подвижничествомъ процвѣтало въ немъ изученіе (домашнее, церковное) св. писанія и св. отцевъ. Мы видѣли уже, что Архимандритъ Ким-

барь неправильно толковалъ слова: Сумонъ варъ Іона, и что за это жаловалась на него Митрополиту братія. Этотъ случай показываетъ, что въ монастырѣ старались правильно понимать св. Писаніе. Въ это время (въ половинѣ 16-го ст.) небыло православныхъ школь въ Литвѣ. Такими школами были монастыри, въ числѣ ихъ и Супрасльскій монастырь. Въ монастырской Библіотекѣ есть много рукописныхъ Евангелій, мѣсячныхъ миней, тріодей, житій святыхъ и другихъ книгъ, относящихся къ 16-му столѣтію. Монашествующіе оставили послѣ себя памятникъ своего трудолюбія и церковнаго образованія. Супрасльскую обитель въ можествѣ посѣщаль православный народъ со всѣхъ сторонъ Литвы и вписывался въ его пергаменный помянникъ. До времени уніи, и только до этого времени, помянникъ украшался и именами православныхъ Митрополитовъ, князей, воеводъ и людей всякаго рода и званія. Золото и серебро, которыми обложены были иконы, Евангелія, кресты и проч. еще и теперь свидѣлствуютъ о древнемъ усердіи православныхъ къ этой обители. Ее посѣтилъ Сербскій Патріархъ Гавріиль. Въ ней наконецъ принялъ Ангельскій образъ и былъ Настоятелемъ Архимандритомъ князь Иларіонъ Массальскій, ревностный защитникъ православія противъ уніи. Тихо проводили жизнь подвижники этой обители и ихъ тѣла успокоивались отъ трудовъ земной жизни въ усыпальницѣ, до нынѣ существующей, а души въ обителяхъ отца небеснаго. Не таково было состояніе обители во время уніи. Хотя уніятскіе святители заботились о ея благосостояніи, часто издавали правила для ея управленія, хотя монастырь, непосредственно завися отъ папъ, пользовался

нѣкоторою самостоятельностью: не смотря на то, тревоги не оставляли его почти во все время уніи. Мы видѣли, сколько было споровъ касательно настоятельства и управленія монастыря, касательно его имѣній, отношеній его къ митрополитамъ, фундаторамъ, къ Базыльянскому ордену. Въ началѣ уніи народъ еще посѣщаль обитель. Архимандритъ Герасимъ Великонтій, по указанію Митрополита Велямина Рутекаго, нѣсколько лѣтъ описывалъ чудеса исцѣленій, совершенныхъ надъ больными, приходившими съ вѣрою въ обитель. Но подвижничество обители и ея вліяніе на народъ постепенно ослабѣвало, какъ это видно изъ правилъ, данныхъ монастырю Митрополитомъ Жоховскимъ. Фундаторы Ходкевичи, принявшіе Латинство, мало заботились о монастырѣ; Криштофъ Ходкевичъ даже поселился въ немъ и долго пользовался его фундушевыми имѣніями. Подъ конецъ 17 столѣтія монастырь находился въ постоянныхъ тревогахъ по случаю избранія Настоятеля и плохого управленія монастыремъ. Съ отнятіемъ его имѣній Прусскимъ Правительствомъ, кончилась древняя слава Супрасльскаго монастыря. Оставалась только тѣнь этой славы въ учрежденіи Супрасльской Епархіи, каѳедрою которой былъ монастырь. Только пустынное положеніе этого монастыря и поддержка его послѣднимъ уніятскимъ Архимандритомъ, Брестскимъ Суффраганомъ Епископомъ Львомъ Яворовскимъ, можно думать, спасли его отъ закрытія. Много закрыто Базыльянскихъ монастырей, въ числѣ ихъ древніе и знаменитые Лаврищевскій и Лѣщинскій. Остались не многіе изъ лучшихъ, въ томъ числѣ и Супрасльскій монастырь. Эта обитель можетъ по прежнему быть училищемъ для поступающихъ въ монашество или готовящихся

къ причетничеству. Древняя слава подвижничества его ожидаетъ еще впереди.

А. Модестъ.

VI.

НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

По видимому, нѣтъ поры болѣе суетливой, болѣе тревожной всякаго рода хлопотами и матеріальными заботами, какъ время, предшествующее большимъ праздникамъ, въ особенности дню Свѣтлаго Христова Воскресенія. Чѣмъ ближе подходитъ день, тѣмъ сильнѣе увеличивается матеріальная забота, какъ бы вопреки тому высокому, поражающему своею глубиною идеалу, олицетворяемому въ образѣ страданій и крестной смерти Спасителя, который такъ художественно воспроизводитъ православная церковь въ послѣдніе дни Страстной недѣли. Въ то время, когда церковь такъ просто и вмѣстѣ торжественно воспроизводитъ этотъ идеалъ, увлекавшій и увлекающій человѣчество на новый путь жизни, само это бѣдное человечество кажется еще болѣе погруженнымъ въ тину матеріальныхъ заботъ, и не однѣ Марѣы, пекущіяся о многомъ, но и Маріи, понимающіе душевныя потребности, увлекаются ими, этими матеріальными заботами; повидимому, и онѣ не слышатъ вѣщаго призыва и ихъ не поражаетъ потрясающая картина голгоескихъ страданій и проповѣди; но это только такъ кажется повидимому... Бѣдное человечество и бѣдныя Марѣы, увлекаясь матеріальными заботами, слышатъ призывъ, поражаются картинами, на цѣлый годъ какъ бы запасаются духовною силою, этою единою потребою, понятой Маріей. Матеріальныя ихъ заботы потому такъ сильны, что и слабая человѣческая природа, и сильное чувство изящнаго, ей свойственное, заставляютъ ихъ торопиться, чтобы встрѣтить праздниковъ праздникъ

достойнымъ его образомъ, чтобы величайшую изъ идей облечь въ возможно прекрасную форму. Свѣтлый Праздникъ, первый день его, моментъ появленія этого дня — это самъ восторгъ, то всеобъемлющее и всѣхъ возвышающее чувство, которое языкъ отказывается выразить; это — высокое восторга, какъ есть высокое океана и всего, немѣющаго видимыхъ предѣловъ. Нѣсколько часовъ живетъ бѣдное человѣчество такимъ святымъ восторгомъ; не осуждайте же, что оно такъ долго и такъ матеріально къ нему готовится... Ночь подъ Свѣтлый Праздникъ, дѣйствительно, великая и спасительная ночь, провозвѣстница восторга полнѣйшаго, величайшаго, доступнаго самой хлопотливой и заботливой Марей. Уже съ полдня страстной субботы начинается стихать предпраздничная хлопотня, опускаются руки, освѣжается голова. Бѣдный ли, богатый ли — и больше первый — говорятъ громко или про себя: — „Ну, слава Богу, хлопоты кончены! Можно встрѣчать и праздникъ.“ — И чѣмъ скуднѣе приготовленія для этой встрѣчи, тѣмъ, можетъ быть, скорѣе совершается освѣженіе головы и чувства; тѣмъ болѣе чуткими становятся онѣ къ воспринятію величайшаго изъ восторговъ. Ложится ночь на землю; стихаетъ уличное движеніе; зажигаются огни въ празднично выглядывающихъ домахъ; раздается тихій благовѣсть, призывающій въ церковь къ слушанію дѣяній Апостоловъ... Все это — и тишина, и сверкающіе огни, и тихій звонъ — говорятъ вамъ, что человѣкъ сложилъ съ себя матеріальныя заботы, что онъ готовится не искусственно, а всюю полнотою поднимающей его жизни къ такому высокому идеальному настроенію, которое поистинѣ свято, и безъ котораго, не смотря на его кратковременность, жизнь была бы печальна. Всю ночь длится это настроеніе и достигаетъ своей апогеи въ моменты торжественнаго звона колоколовъ и провозглашенія церковью: „Христосъ воскресъ!“ Длится оно во всю свѣтлую заутреню, длится весь первый и отчасти слѣдующіе дни; но въ первый и слѣ-

дующіе дни, когда житейскія нужды начинаютъ снова напоминать о себѣ, чистый идеальный восторгъ смѣняется болѣе матеріальною радостію, довольствомъ отдыхающаго отъ трудовъ человѣка. Въ этомъ, нѣсколько часовъ продолжающемся восторгѣ, въ которомъ воспитала православная церковь своихъ членовъ, нѣтъ ничего ни матеріальнаго, ни эффектнаго, ни горделиво возносящагося; радуется и трепещетъ одна воскресшая, сбросившая съ себя все матеріальное душа,— и какъ спасителенъ этотъ трепеть, какъ спасительна эта ночь, провозвѣстница свѣтозарнаго дня! Она очищаетъ и поднимаетъ духовныя силы не на одно мгновеніе: на одно мгновеніе, конечно, не безслѣдное, очищается и поднимается масса, толпа; но кто измѣритъ глубину ея вліянія на отдѣльныя лица, которыхъ надобно считать не десятками и не сотнями, и которыя, благодаря ей, воскресаютъ и обновляются на цѣлую жизнь, растутъ и крѣпнутъ въ своихъ духовныхъ силахъ? Кто и что можетъ сравниться въ нравственной силѣ вліянія этой спасительной восторгающей ночи? Все человѣческое передъ ней блѣдно,— все, даже искусство, хранительница индивидуальныхъ, но не общихъ, народныхъ, прочнѣйшихъ восторговъ. Сколько бы ни говорилъ языкъ, даже вѣщими устами поэта, — онъ не выразитъ всей полноты значенія въ нашей жизни ночи подъ Свѣтлый Праздникъ и Христосской утрени, по выраженію нашей народной поэзіи: эта полнота лежитъ въ глубинѣ русскаго духа, въ основныхъ началахъ православной церкви, такой большой просторъ дающей духу...

И вотъ мы, родившіеся и воспитавшіеся въ этихъ началахъ и въ этомъ духѣ, но возросшіе въ другихъ мѣстахъ, пришедшіе сюда отычуду,— вотъ мы очутились здѣсь въ Вильнѣ, въ здѣшнемъ западномъ краѣ. Съ своими и съ чужими, другъ другу знакомые и другъ о другѣ никогда не слыхавшіе, встрѣчаемъ Свѣтлый Праздникъ, проводимъ вмѣстѣ спасительную ночь и свѣтоносный день; мы восторгаемся и ликуемъ въ мѣстахъ, поражающихъ пестротою

всякаго рода, своеобразными всѣхъ видовъ, разноязычіемъ и разнородіемъ. Полонъ ли и тотъ же ли нашъ восторгъ, какъ обонполь Двины и Днѣпра? Если нѣтъ, то чего не достаетъ намъ? Чего просить воскресшая и вострепнувшая душа и чего она не находитъ? Но на всѣ эти вопросы нельзя отвѣчать немногими словами, да и придется отвѣчать частію такими словами, которыя Богъ съ ними! Прочь ихъ! ибо они нарушаютъ и миръ души, и ту степень настроенія, подъ вліяніемъ котораго сложились эти строки. Мимо эти слова! Прочь все печальное! Утѣшься, болящая душа, и хоть на нѣсколько часовъ заставь молчать твои скорби! Праздничному, радостному настроенію, даже молитвенному восторженію, нисколько не мѣшаютъ, ни сколько не смущаютъ ихъ воспоминанія, воспоминаніе о прошломъ; напротивъ даже, въ подобныя минуты цѣлый рой воспоминаній въ свѣтлыхъ образахъ и ликахъ встаетъ въ возбужденной душѣ и неудержимою силою влечетъ ее въ слѣдъ за собою. Пойдемъ и мы съ тобою, другъ читатель, за этими путеводителями, пойдемъ туда, на обонполь. Не бойся, я не заведу тебя слишкомъ далеко: моя фантазія, увы! не юношеская и до первыхъ пѣтуховъ, до перваго звона къ заутрени, не успѣетъ съ тобою перелетѣть за Донъ и Волгу.

Вотъ она маленькая— маленькая деревушка, всего душъ въ триста, на берегу не большой, но живописной рѣчки. На отшибѣ стоитъ крошечная деревянная, крытая тесомъ церковь. Напротивъ церкви— не большой, въ пять комнатъ, помѣщичій домъ, обитаемый молодою вдовою съ двумя дѣтьми. Въ числѣ ихъ я былъ старшій. Смутно помню праздничныя приготовленія дома и среди ихъ свою мать и сестру, а иногда пріѣзжающаго дядю; но живо помню ночь подъ праздникъ и церковную службу. И теперь еще въ моихъ ушахъ раздаются протяжные звуки дѣяній Апостольскихъ, читаемыхъ черничками и самоучками— грамотѣями; и теперь, какъ бывало, обдаетъ меня непрогля-

дная темнота, наполнявшая ужасомъ мою дѣтскую душу, когда я пробирался изъ церкви къ дому еще до заутрени... Но, Боже! какой восторгъ! Сей часъ будутъ благовѣстить къ заутрени, сей часъ зажгутся огни въ церкви!.. Вотъ запѣлъ пѣтухъ; на бушующей половодьемъ рѣчкѣ что-то крикнуло и опять замерло. Раздался звонъ дребезжащаго колокола, — и полились какіе-то сладкіе звуки, которые, казалось, Богъ знаетъ гдѣ были слышны. Вотъ мы въ церкви. Я бѣгу на клирость, чтобы подпѣвать знакомые мнѣ стихи пасхальнаго канона. Вотъ нашъ отецъ Андрей въ ярко сіяющихъ ризахъ, а вотъ мой учитель — мучитель отецъ дьяконъ, обучавшій меня письму и связывавшій нитками мои непослушные дѣтскіе пальцы. „Возстаните!“ провозглашаетъ отецъ дьяконъ. Народъ зашевелился. Мать усердно молится. Сестра Любаша, такая красивая въ своемъ платицѣ, смотритъ на меня весело и улыбается. Вотъ идемъ вокругъ церкви въ эту несносную темноту; но, Боже, какъ весело! Звонятъ колокола; языки то ярко горящихъ, то потухающихъ свѣчей разрѣзаютъ ночной мракъ; слова церковной пѣсни живыми образами ложатся на душу; дѣтскій взоръ смотритъ на небо и въ мерцающихъ звѣздахъ или густыхъ тучахъ видитъ уже лики ангеловъ, зрѣвшихъ на воскресеніе Христа Спаса, и дѣтское сердце чувствуетъ, что оно чисто, что оно способно славить это воскресеніе, какъ требуетъ церковная пѣсня. Оно, это дѣтское сердце, очищается въ послѣдніе дни Страстной недѣли, пораженное отвращеніемъ и ужасомъ, которое возбуждаетъ въ немъ мрачный образъ Иуды, предателя-ученика, души несытой и нечистой, омраченной недугомъ сребролюбія. „Христосъ воскрес!“ возглашаетъ громко отецъ Андрей. „Смертію смерть поправъ!“ звенитъ такъ радостно мой дѣтскій голосъ, — и вотъ мы входимъ въ ярко освѣщенный храмъ, оглашая его торжественнымъ заключеніемъ пѣсни: „животъ даровавъ.“ — Любаша, давай писать *Христосъ воскресъ!* Няня, дай мѣлу. — Это первыя слова, — которыя

произносишь, придя домой отъ утрени. И начнешь, бывало, вмѣстѣ съ сестрою, на окнахъ и дверяхъ писать буквы Х и в, и пишешь до тѣхъ поръ, пока не упадешь гдѣ-нибудь, какъ мертвый.

— Вставай, Миша, солнышко играетъ, — посмотри-ка! Благовѣстять къ обѣднѣ; вставай! — Слышу я ласковый голосъ моей матери. Вскაკиваешь бодро на ноги и прямо къ окну, прямо смотришь на рошу, уже позлащенную яркими лучами восходящаго солнца, озаряющими верхушки деревьевъ и пронизывающими мракъ чащи. — Любаша! Любочка! Сестрица! Смотрика-ка, какъ солнышко играетъ! Кричишь сестрѣ и тащишь ее къ вспотѣвшему окну. А благовѣсть все громче и призывнѣе заливаается въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Валить народъ— все знакомыя лица, которыхъ знаешь поименно, но такія все важныя и веселыя! Во время обѣдни поражаешься торжественнымъ чтеніемъ Евангелія и потомъ долго вникаешь въ смыслъ словъ: „И Богъ былъ Слово,“ и дѣтская голова работаетъ по своему надъ значеніемъ „Слова,“ и потомъ уже, черезъ многіе годы, подъ вліяніемъ этой дѣтской работы, не можешь слышать хладнокровно знакомаго выраженія и устарѣлое сердце трепещетъ давно прожитымъ восторгомъ..... Никакъ не дождешься послѣобѣденнаго времени, когда можно выбѣжать на выгонъ и вдариться на колокольню, — позвонить хотя въ маленькій колокольчикъ, потому что въ большіе не позволять ни дьячокъ Иванъ, ни пономарь Сидоричъ, представляя это удовольствіе себѣ или пріѣхавшимъ къ празднику изъ Т. семинаристамъ. — Ишь куда забрался, срамникъ! Вотъ я маменькѣ скажу! — ворчитъ старая няня Василаса, не безъ удовольствія вскарабкавшаяся на колокольню. — Подожди, милая няня! Дай крошечку позвонить. А ты посмотри пока въ окошко!... И самъ звонишь, и самъ смотришь, и непонятное что-то въ тебѣ совершается; то растетъ молодая душа, и этотъ ростъ тянетъ для себя соки изъ всего, что видитъ зоркій глазъ, что слышитъ чуткое

ухо.— Постоимъ здѣсь, няня... Но старуха уже зазѣвалась на качели, на движущуюся живую толпу деревенской молодежи, качающуюся, поющую, пляшущую. Дѣти играютъ въ шашки и катаютъ красныя яйца, взрослые бѣгаютъ въ горѣлки и ведутъ хоробы. Какъ не покатыть яицъ, какъ не поиграть въ горѣлки, когда знаешь, что играющіе непременно съ радостію тебя примутъ и имъ ничего, что ты барченочка!... Но вотъ ворчливая няня таки потащитъ тебя *домой*, за двадцать шаговъ отъ церкви и выгона. На дворѣ иная картина. На крыльцѣ, въ ожиданіи поставленнаго самовара, сидитъ мать въ бѣломъ праздничномъ платьѣ. Вокругъ нея чинно разсѣлись пожилыя и среднихъ лѣтъ крестьянки, свои и вольныя, все такія степенныя. Ирѣчь у нихъ ведется такая степенная. И о чемъ бы ни зашла эта рѣчь— о божественномъ, или о мірскомъ, о путешествіи въ Кіевъ, или о хозяйствѣ,— мать всегда умѣла вернуть въ нее дорогое ей имя Миши. И понималъ, и, даже играя, догадывался этотъ Миша, что рѣчь о немъ, и какъ то милѣе ему становился въ то время кроткій ликъ Любочки, гдѣ-нибудь тутъ же играющей съ крестьянскими дѣвочками, и принималъ участіе Миша въ этихъ играхъ, и могъ долго вести ихъ, не ссорясь съ сестрою... Дорогія, давно ушедшія вдаль, но съ особенною яркостію возстающія теперь, картины! Не помню времени, когда бы я не вспомнилъ васъ въ предпраздничную всеоживляющую ночь; не помню, съ какихъ лѣтъ вы начали посѣщать мои воспоминанія! Знаю только, что еще ученикомъ уѣзднаго училища, потомъ гимназистомъ, студентомъ, торопясь домой къ Свѣтлому Празднику, по весеннему бездорожью и половодью, я не чувствовалъ ни утомленія, ни опасности, и, трясясь въ кибиткѣ, дрожа отъ холода, въ шумѣ вѣтра и и разлившихся водъ, въ звяканьѣ колокольчика, вы возставали передо мною, вѣчно дорогія картины и образы! Вашею теплотою согрѣвалась душа, и чѣмъ менѣе походила на васъ дѣйствительность, тѣмъ полнѣе разливалась исхо-

дящая отъ васъ теплота. Въ ночь подь Свѣтлый Праздникъ вами всегда начинаются мои воспоминанія и уже вы влечете за собою другіе образы!...

Вотъ онъ большой городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Росіи,— городъ муравейникъ, въ которомъ кипитъ жизнь и торговля. Горы сдавили его въ низменной и узкой долинь. Издали его совсѣмъ не видно, и если бы не громадная соборная колокольня, то трудно было бы предположить ѣдущему путнику, что онъ сейчасъ очутится въ многолюдномъ городѣ. Городъ блеститъ огнями; окружающая его атмосфера потрясается не благовѣстомъ, а звономъ со всѣхъ церквей. Толпы народа идутъ и ѣдутъ. Одна церковь горитъ всѣхъ ярче и торжественнѣе. Къ ней мчатся экипажи, къ ней устремляются толпы учащейся молодежи. Это— университетская церковь, залитая потоками свѣта, переполненная свѣжими прекрасными лицами „юныхъ женъ, увѣчаныхъ цвѣтами“ и безъ цвѣтовъ, юношей бодрыхъ и гордо въ себѣ увѣренныхъ, городской служебной и аристократической знати. Начинается служеніе торжественнѣйшее изъ всѣхъ гдѣ-либо видимыхъ; ибо совершаетъ его одинъ изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ, тотъ, чье краснорѣчивое слово разносилось по всей Руси, въ комъ образъ художника не исчезалъ подь архіерейской митрой. „Сей день,— возрадуемся и возвеселимся въ онъ!... Заливается хоръ мощныхъ южныхъ голосовъ. И радовалась и восторгалась въ эту минуту бодрая юность, и пораженная всѣмъ видимымъ и слышимымъ фантазія воспроизводила разные образы. Представлялись знакомыя картины: далекіе города и деревни, почной мракъ и лучи свѣта, всѣ ужасы весеннихъ распутиць, вся прелесть кроткой любви домашняго пріюта, милые лики матерей, сестръ и братьевъ, милый образъ существа чужаго, но дорогаго, которое непременно думаетъ и о тебѣ въ эту минуту. Легко облачко печали набѣгаетъ на встрепенувшуюся душу, при мысли о недавней утратѣ, при одномъ изъ дорогихъ образовъ,

уже отошедшихъ въ вѣчность. „Возрадуемся и возвеселимся въ оны!“ Заливается хоръ, — и печали какъ не бывало, только мягче и лучше какъ то стала душа и еще бодрѣ чувствуетъ себя юноша. „Законъ данъ былъ Моисеемъ, а благодать и истина— Христомъ!“ разносится торжественно и протяжно по всей церкви, на всѣхъ языкахъ, древнихъ и новыхъ, начиная отъ еврейскаго и кончая польскимъ и сербскимъ, — произносятся эти слова и краснорѣчивыми устами преосвященнаго, и густыми, словно бархатными голосами басовъ, — діаконовъ. Понимаетъ юноша разницу между закономъ и благодатью, между содержаниемъ и содержаніемъ, и незадумывается надъ ними, какъ задумалось дитя надъ „Словомъ;“ все понимаетъ юноша, все ему доступно, — и вѣра въ себя, и восторгъ его безъ конца!

Вотъ онъ другой большой, широко раскинувшійся по берегамъ многоводной рѣчки городъ. Горы подперли его съ трехъ сторонъ; на далекомъ пространствѣ виднѣются обступившія его села и деревни. Ночь подъ Свѣтлый Праздникъ. Меньше въ этомъ городѣ суеты и движенія, меньше торжественнаго блеска, за то больше звону колокольнаго, больше пѣнія церковнаго, больше старинныхъ великорусскихъ нравовъ. Почти два десятка лѣтъ встрѣчалъ я эту ночь почти въ одномъ и томъ же храмѣ, при одной и той же обстановкѣ, все въ томъ же кругу близкихъ и знакомыхъ лицъ. Двадцать лѣтъ, двадцать разъ, переживались однѣ и тѣ же чувства, проносились въ воображеніи однѣ и тѣ же картины, двадцать разъ оживлялась душа; двадцать разъ повѣрялась жизнь и двадцать разъ не по фарисейскому самодовольству казалось, что все осталось въ тебѣ, какъ было когда-то, — и вотъ почему не оскудѣвало восторженное чувство; но, увы! все это только казалось!... Не замѣчалось, что самъ не тотъ сталъ: сталъ гораздо хуже; и не потому сталъ хуже, что небо твоего восторга омрачается не легкими облаками, а тучами; что

изъ этихъ тучъ, противъ твоей воли, льются потоки дождя; что дорогія утраты, понесенныя тобою въ жизни, эти разбросанныя тамъ и здѣсь могилы, эти пустѣющіе ряды друзей и знакомыхъ, болью и горечью отзываются въ душѣ твоей. Нѣтъ! сталъ хуже, потому что увяль и увядаешь: меньше чувствуется силъ, слабѣе становится воспріимчивость души и поднимающій ее восторгъ!...

Ночь подъ Свѣтлый Праздникъ въ Вильнѣ!... Богъ знаетъ, что и какъ чувствуютъ въ эту ночь Поляки и Евреи, здѣшніе Русскіе и Старообрядцы, Татары и Караимы! Мы, не здѣшніе и заѣзжіе, мы можемъ чувствовать и не то, что наши братья по единовѣрью. Насъ манитъ и влечетъ къ себѣ сѣверъ, востокъ и югъ, Русь, насъ пославшая... Откройся для воспоминаній и восторговъ, душа! Посмотри туда, въ эту необъятную ширь и даль!... На неизмѣримомъ пространствѣ, отъ высотъ Кремля до низменностей знакомой тебѣ деревушки, ты увидишь знакомыя картины. Вотъ онѣ, разлившіяся рѣки; вотъ оно, непроходное, но поэтическое бездорожье, теперь, увы! во многихъ мѣстахъ прорѣзанное скучными каменными и чугунными путями; вотъ они, сіяющіе огни, привѣтливо выглядывающія окна дворцовъ и лачужекъ; вонъ народъ, идущій въ храмы... знакомыя, дорогія тебѣ лица... и надъ всѣмъ этимъ, надо всею землею гуль и стонъ колокольнаго звона; и оттуда, изо всей земли, льющаяся на тебя и вдохновляющая тебя сила... и со всѣмъ этимъ связывающія все существо твое незримыя, тончайшія нити... Всмотрись въ эту картину, и да прольется восторгъ въ твое сердце при первомъ: *Христосъ воскресъ!*

— левъ.

Вил. Вѣсти.

СОДЕРЖАНІЕ № 7.

I. Мѣстные распоряженія: Подтверженіе духовенству Литовской епархіи о безмездномъ отправленіи обязательныхъ требъ прихожанамъ, съ повторительнымъ опубликованіемъ указа Св. Синода по этому предмету, отъ 31 Мая 1864 г. за № 5,922. II. Высочайшее пожалованіе св. Иконъ для Православныхъ церквей Западныхъ губерній (новое). III. Слово въ Великій Пятокъ, Иером. Смарагда. IV. Изъ воспоминаній по поводу рекрутскаго набора, Свящ. І. Бермана. V. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. Заключеніе. Архим. Модеста. VI. Ночь подъ Свѣтлый праздникъ.

Печатать дозволяется. Ректоръ Литовск. Дух. Семинаріи Архиманд. ЮСПФЪ.

1—15 Апрѣля 1867 года. Вильна.

Въ Типографіи О. Блюмовича, на Рудницкой улицѣ въ домѣ Огинскаго.